УДК 821.161.1
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

И.И. Наумцев
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

«БОЛЬШИЕ» И «МАЛЕНЬКИЕ» ЛЮДИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ Е. БЛАЖЕЕВСКОГО «ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ»

В данной статье рассматриваются особенности повествовательной структуры, номинативных и символических элементов, а также влияние литературной традиции, в частности типологии «маленького человека», в двух значимых стихотворениях Е. Блажеевского.

Евгений Блажеевский, маленький человек, большой человек стихотворный цикл, поэзия.

В творчестве Евгения Блажеевского, значимого отечественного поэта второй половины XX века, литературные традиции органично сочетаются с оригинальным поэтическим взглядом, который до настоящего времени ждет своего всестороннего анализа. После переезда из Кировабада в Москву в конце 60-х годов поэт печатается в различных литературных изданиях, таких как «Юность», «Новый мир», «Литературная учеба» и др. Философские размышления, связанные чаще всего с экзистенциальными мотивами, наиболее характерны для поэтики автора, осмысляющего жизненные переживания в стихах. Именно поэтому в большинстве стихотворений Е. Блажеевского фигурирует его лирическое «Я». Однако в середине 1970-х молодой поэт проходит срочную службу: тяжелые воспоминания об этом легли в основу поэтического цикла «Из армейской тетради». Два произведения оттуда, анализу которых посвящена эта статья, становятся исключением из общих «правил», так как представляют фабульномотивированные сцены «художественных воспоминаний», а их действующими лицами становятся персонажи, не связанные напрямую с лирическим героем или лирическим «Я» поэта. Более того, повествователь говорит явно «авторским голосом», особенности соотношения объективности и субъективности которого также будут исследованы в данной работе. Наконец, важно заметить, что тенденция к использованию Е. Блажеевским обобщенных образов (без имен или художественных портретов) нарушается в рамках цикла, где центральной темой идейных поисков становятся взаимоотношения человека («большого» и «маленького») и системы. Подобное развитие поэтики в связи с интересом к типу «маленького человека» отмечает Н.Г. Компелова в творчестве А. Блока, оказавшего влияние на формирование поэта Е. Блажеевского: «осваивая топос “маленького человека”, Блок отчетливо двигался от интерсубъектности к ролевому герою» [6, с. 80]. Однако Е. Блажеевский не расширяет границы проблематики, о чем будет сказано далее.

В центре повествования цикла «Из армейской тетради» рассказ о «больших и маленьких» людях, которые по-разному переживают схожие обстоятельства судьбы. Е. Блажеевский, выстраивая произведения в определенном порядке, руководствовался, по-видимому, идейно-тематическими соображениями. В связи с этим видится уместным отдельно поговорить о двух стихотворениях, которые по-особенному раскрываются в непосредственной близости в рамках цикла: «Петр Соловеевич Сорока» (1975 г.) и «Шмелев» (1976 г.). Думается, что их соседство определяется сразу несколькими факторами. Во-первых, оба произведения поднимают проблему армейской дедовщины, о которой Е. Блажеевский первым заговорил в поэтических кругах. Во-вторых, оба написаны разностопным ямбом с преобладанием пятистопного с дополнительной усеченной стопой. Кроме того, при прочтении в глаза бросается отсутствием рифм и неклассическая каденция. Подобная форма как нельзя лучше подходит для передачи неприятных и отчасти «рваных» воспоминаний. В-третьих, герои стихотворений пытаются найти выход из схожих сложившихся ситуаций, однако делают это каждый по-своему. Отметим, что мысли и действия персонажей противоположны по своей сути, как и их характеры, поэтому эти стихотворения представляют из себя поэтически оформленную «развилку» на пути лирического героя Е. Блажеевского.

Стихотворение 1975 года «Петр Соловеевич Сорока» предваряется эпиграфом из «Шинели» Н.В. Гоголя: «Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собой случились такие обстоятельства…». Таким образом автор не только заранее отвечает на вероятный вопрос читателя о своеобразии имени персонажа, но вводит стихотворение в контекст идиоматики «маленького человека».

Анализируя номинативный компонент образа главного героя стихотворения, обратимся к именной символике. Как отмечают исследователи этимологии имен, «Петр» в переводе с греческого имеет значения «скала, утес, камень» [9, с. 178]. Подобная семантика становится антонимичной положению персонажа. Усиливает это противопоставление отчество Соловеевич: имя Соловей, во-первых, ассоциативно связано

с былинным антагонистом Соловьем Разбойником, а во-вторых, имеет определенный семантический ореол в рамках литературы и, в частности, творчества Е. Блажеевского: громкое и красивое пение, твердый голос, поэт, поэзия. Тем не менее, Петя не наследует ни нерушимую характеристику имени, ни потенциально-символические черты отца (удаль, силу и, конечно, противопоставление себя устоям общества, внесистемность), ни «говорливость» сороки, которая, как кажется, органично сочетается с неудержимым пением соловья. Однако подобный семантический диссонанс на деле только подчеркивает ужасы общественной системы, искусственно создавшей из Петра Соловеевича Сороки, рожденного летать, маленького человека, способного только смиренно принимать унижения.

Упоминание кинокартины «Джен Эйр» вписывает действие стихотворения в культурно-символический контекст. В фильме 1970 года (вероятно, именно его видел Е. Блажеевский во время военной службы) мистер Броклхерст в назидание ставит маленькую девочку на стул перед всеми, рассказывая, что «Бог ее не любит» и остальным «следует сторониться маленькой лгуньи». Поводом к этому послужил наивный жест Джейн Эйр: на вопросы мужчины о том, есть ли среди воспитанниц заведения голодные, она одна, будучи «новенькой» и не зная порядков, подняла руку. Эта сцена заставляет зрителей с первых минут фильма сопереживать героине, стойко выносящей несправедливые унижения. Однако в стихотворении эта символика сюжетно искажена. Сержант находит в кадрах наказания садистское вдохновение и немедленно применяет полученные знания на своем подчиненном. Кажется, что невольное сопоставление не только читателями, но и, как ясно, солдатами фигуры сержанта с жестоким Броклхерстом, лицемерно обучающим девочек смирению через унижение, нисколько не беспокоит первого. Кроме того, в отличие от однотонно мрачного попечителя Ловуда, предысторию которого мы не знаем, персонаж Е. Блажеевского представляется более объемным в этом качестве. Его жестокость объясняется между строк – подобное когда-то терпел и он. Через образ сержанта, наслаждающегося унижением Сороки, автор раскрывает тему дегуманизации. Сержант утрачивает человечность, превращаясь в инструмент подавления. Сорока, в свою очередь, оказывается объектом, а не субъектом действий, что подчеркивает его бесправие. Невозможность перенести унижения иначе, кроме как долго накапливать внутри себя, а после выместить злобу на другом, создает порочный круг, в котором выжить возможно только таким способом. Как показывает Е. Блажеевский, воспитываясь в подобной обстановке, легко превратиться из жертвы насилия в его актора. Джейн Эйр является главной героиней романтического романа как раз потому, что становится исключением из правил, не подчиняясь системе и не теряя свое «Я» под давлением суровой жизни. Петя Сорока, напротив, не способен ни противостоять, ни даже сказать что-то в свою защиту – он «С глазами голубыми идиота / На табурете замер / И стоит» [2, с. 95]. При этом художественный контекст позволяет читателю ощутить разительную разницу между стойким и гордым молчанием Джейн Эйр и бессильным – Петра Соловеевича Сороки. Отметим, что исследователи отечественной литературы второй половины XX века фиксируют значительные изменения в традиционном образе «маленького человека». Так, Венечка Ерофеев в поэме «Москва – Петушки» становится не типичным представителем «униженных и оскорбленных», но «философским наблюдателем своего времени» – «мир “прошлых” “маленьких людей” заключен в границах Петербурга, железнодорожной станции, шире – религии, собственном разуме. В противовес этому – “космос” Венички куда масштабнее» [5, с. 150]. Е. Блажеевский, поэтика которого более традиционна, чем у большинства его современников-коллег по перу, делает акцент на социальной несправедливости, подчеркивая ее системность. Тем не менее, поэт по-новому развивает классический мотив. Явное сочувствие автора по отношению к Пете позволяет прочитать между строк еще одну мысль: на его месте мог быть любой другой неисключительный герой в обыденных (и от того еще более ужасных) обстоятельствах, которого исследователь творчества А. Галича С.В. Свиридов называет «обывателем» [10]. Думается, что подобная номинация справедлива и в отношении «маленького человека» Е. Блажеевского. Рассуждая о судьбе А. Цыбулевского в «советской эпохе», М.А. Александрова пишет: «конкретноисторический социальный тип, памятный по литературной классике, получил универсальный характер: “маленький человек” стал “просто человеком”» [1, с. 139]. В стихотворении «Петр Соловеевич Сорока» наблюдается схожая трансформация: обычный человек становится «маленьким человеком» под тяжестью системы. Если трагические события жизни А. Цыбулевского пришлись на конец 1940-х (арест в 1948 году), то цикл «Из армейской тетради» создается поэтом 1970-е, время, значительно более спокойное. Тем не менее, Е. Блажеевский обращает внимание читателей, что в армейской жизни по-прежнему важнейшим аспектом взаимоотношений «старших» и «младших» остается немотивированная жестокость.

Автор называет Петю «провинившимся солдатиком», передавая через диминутив ничтожность человеческого положения, загнанного в рамки иерархии военных чинов, где сержант, будучи немного выше по рангу (неслучайно в начале стихотворения он сидит, смотрит и думает «Так же, как и все»), наслаждается страданиями ближнего (Там же). Этот факт тоже является важным элементом описания картины несправедливости. «“Маленький человек” часто выступает в оппозиции к другому персонажу, человеку высокопоставленному, “значительному лицу”» – замечает Ю.В. Манн [8] и о чем вслед за ним пишут В.М. Кожевникова и П.А. Николаева [7, с. 207]. Более того, изображение оппозиции «маленький – большой» в рамках традиционной темы «маленького человека» становится общим местом в поэзии второй половины XX века в контексте «армейских» мотивов: «Рядом с “маленьким” солдатом, разумеется, находятся “большие” генералы…» – пишут исследователи творчества Б. Окуджавы [11, с. 80]. Однако сержант, не являющийся представителем даже младшего офицерского состава, вероятно, сам подвергался подобным унише-

ниям, поэтому, будучи облеченным минимальной властью, издевается над своими подчиненными. Мотив наказания через стояние на табурете создает ощущения нелепости и трагикомизма. Петя Сорока словно приговорен к абсурдной казни на табурете, который становится в этом контексте символом позора и безысходности. Подчеркнутая «детскость» наказания, его бессмысленность усиливают трагизм происходящего: унижение здесь лишено даже видимости необходимости. Упоминание «возвышенной и трудной» любви из фильма контрастирует с грубой и унизительной реальностью казармы. Этот контраст создает ироническое напряжение, подчеркивающее, насколько далеки герои стихотворения от романтического идеала. При этом «стеклянные» глаза героя, «глаза идиота», демонстрируют попытку уйти в себя, ни думать ни о чем и хотя бы таким образом справиться с отупляющими эмоциями: «…почти животный, / Пронзительно-невыносимый страх…» [2, с. 95]. Описание метели и отравленного горизонта Тольятти становится мрачным фоном: «И полог неба смутен и зловещ». Этот пейзаж служит метафорой духовной пустоты и разрушительности мира, где происходит действие. Ощущение холодной бесчеловечности передается через образ метели, обступившей Петю Соловеевича Сороку, как петербургская вьюга – Акакия Акакиевича, «со всех четырех сторон» [3]. Она усиливает чувство безысходности «солдатика» – ни природа, ни общество не предлагают спасения. Этот параллельный ряд создает тревожное ощущение того, что в реальной жизни унижения «маленьких людей» не приводят к возвышенному финалу.

Иной вариант разрешения подобной коллизии Е. Блажеевский описывает в стихотворении 1976 года «Шмелев». Отметим, что оба произведения имеют отыменные модели заголовков, но если в первом случае автор указывает не только имя, но и фамилию с отчеством героя, как бы знакомя нас с его родовыми чертами и компенсируя этим отсутствие личностной характеристики маленького человека, то во втором случае читатель узнает только фамилию. Тем не менее, символизм, вложенный в нее, считывается так же явно. «Шмель» эмблематически очень схож с пчелой: трудолюбие, спокойный характер, умение преодолевать трудности [4, с. 452]. Однако в стихотворении главный герой доведен до состояния, когда его «шмелиный» спокойный характер и железная воля не способны сдержать негодование по поводу сложившейся ситуации. Энтомологический мотив в стихотворении развивается через явно отрицательный образ гнуса: «Я не вернусь в отряд. / Я больше не желаю, / Я – не сука, / Которую пинает каждый гнус…» [2, с. 98]. Таким образом благородному и терпеливый типажу шмеля противопоставляются подлые и мелочные обидчики героя. Перевоплощение из невольника судьбы в свободного беглеца также раскрывается через антонимичный ряд эпитетов:

И на глазах у нас переоделся:
Ремень солдатский – на ремень гражданский,
Вонючие большие сапоги – на башмаки,
подаренные кем-то,
И грубую стройбатовскую робу –
на синюю рубашку и штаны [2, с. 98]

При этом «гражданская» атрибутика выделяется в тексте особым строением стиха: вместо классического переноса строки с равномерной итерацией пятистопного ямба автор намерено пытается уместить в одном стихотворном речевом ряду элементы, принадлежащие персонажу-солдату и персонажу-свободному человеку. Однако, если первая фраза укладывается в пять стоп, то далее наблюдается постепенная детализация образов гражданской атрибутики, в связи с чем сначала уточнение («подаренные кем-то»), а далее слова, образующие самостоятельный стих («на синюю рубашку и штаны»), становятся как бы лишними. Последовательная детализация образов, символизирующих свободную жизнь героя, позволяет Е. Блажеевскому продемонстрировать нарастание решительности персонажа через особое графическое членение синтагм.

Как и в стихотворении «Перт Соловеевич Сорока», повествование в «Шмелеве» ведется от лица лирического героя Е. Блажеевского, который, будучи сослуживцем Шмелева, становится свидетелем побега товарища. Окружающая природа («И рыжая резвящаяся лошадь, / И птица, / Пролетающая косо, / И паутинок медленный полет»), внушает беглецу «мысли об освобожденьи» (Там же). Отметим, что описание безжизненной снежной местности вокруг казармы Пети Соловеевича Сороки антонимично открывающей строке стихотворения 1976 года: «Дышала степь и горячо, и сухо» (Там же). В первом случае холод подчеркивает безропотное бездействие персонажа, тогда как во втором – создается ощущение эмфатического негодования Шмелева, желающего слиться с полем, «которому, казалось, нет конца» (Там же). Однако воссоединение «шмелиного» героя с природой, прерывается погоней:

И мы ловили родственную душу,
Не понимая этого еще,
И не Шмелева,
А себя ловили –
Рабы всепобеждающей казармы,
А он бежал
И плакал,
И бежал… [2, с. 99]

Всё стихотворение выстроено как рефлексия лирического героя посредством пересказа истории побега. Именно поэтому проанализированное ранее членение стихотворных рядов может также представлять из себя душевные переживания повествователя, с особым вниманием к деталям вспоминающего «бунт» Шмелева. Примечательно, что именно «резвящаяся» лошадь «Любезно предоставила и спину / И ноги», благодаря чему ефрейтор смог догнать беглеца (Там же). Образ свободной лошади (элемент природного пространства) сменяется прирученной помощницей человека (элемент пространства антропогенного), помогающей ограничить свободу главного героя. Повествователь иронически описывает свои эмоции в тот момент:

Какая лошадь
И какое счастье,
И похвала от командира части!.. [2, с. 100]

А далее в фактологической манере рапорта, как бы пряча настоящие мысли, добавляет:

И был беглец настигнут
И доставлен
В комендатуру,
Где перекусил
Себе зубами Вены на запястье… (Там же)

Примечательно, что в эпизодах, где лирический герой осмысляет происходящее и ведет внутренний монолог, автор использует длинные строки; в моменты, когда размышления сменяются действием, пересказом случившегося, стихи через частые переносы приобретают «ломанную» форму, как бы передающую отрывочные воспоминания повествователя. Кроме того, в отличие Петра Соловеевича Сороки, который принимает свою участь молча, речь Шмелева позволяет исследовать дополнительный уровень характеристики героя, делая его образ более объемным.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов. В стихотворениях «Петр Соловеевич Сорока» и «Шмелев» читатель знакомится с двумя противоположными по характеру героями в схожих жизненных обстоятельствах, но с разными судьбами. Если Петю можно однозначно назвать «маленьким человеком» в состоянии абсолютной резиньяции, то Шмелев – его полная противоположность. Неслучайно лирический герой Е. Блажеевского и сам замечает: «Мы шли ловить / Большого человека» [2, с. 99]. Однако, как показывает автор, «большой человек» не способен смириться с унижениями и выжить в обстановке казармы, а потому выбирает единственный выход романтического героя в ситуации, когда невозможно повлиять на обстоятельства, – смерть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, М. А. «На фоне Пушкина»: диалог в стихотворении Булата Окуджавы «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» / М. А. Александрова // Болдинские чтения : сборник материалов международной научной конференции, Нижний Новгород, 12–16 сентября 2022 года / редколлегия: А. В. Коровашко, В. Л. Коровин, С. Н. Пяткин ; ответственный редактор И. С. Юхнова. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2023. – С. 133–141.

2. Блажеевский, Е. И. Письмо: по праву памяти / Е. И. Блажеевский ; под редакцией Е. Л. Бершина. – Москва : Арт-Хаус Медиа, 2015. – 449 с.

3. Гоголь, Н. В. Шинель / Н. В. Гоголь. – Москва : ООО «ДА!Медиа», 2014. – URL: https://www.culture.ru/books/476/shinel/read (дата обращения: 23.06. 2025).

4. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Издательство «Индрик», 1997. – С. 448–486. – (ТДКС. Традиционная духовная культура славян : Современные исследования).

5. Зуева, А. Р. Новые концептуальные интерпретации образа «маленького человека» в поэме В. Ерофеева «Москва – Петушки» / А. Р. Зуева // Язык. Культура. Личность : материалы Международной научной конференции молодых ученых (Самара, 15 декабря 2023 г.). – Самара : ООО «Научно-технический центр», 2024. – С. 146–153.

6. Коптелова, Н. Г. На пути преодоления индивидуализма: образ «маленького человека» в лирике А. Блока 1900-х годов / Н. Г. Коптелова // Духовно-нравственные основы русской литературы : сборник научных статей (Кострома, 19–20 апреля 2019 г.) / научный редактор Н. Г. Коптелова ; ответственный редактор А. К. Котлов ; Костромской государственный университет. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 75–81.

7. Литературный энциклопедический словарь / под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1997. – С. 207–208.

8. Манн, Ю. В. Путь к открытию характера / Ю. В. Манн // Достоевский – художник и мыслитель : сборник статей. – Москва : Художественная литература, 1971. – С. 284–311.

9. Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – 6-е изд., стер. – Москва : Русские словари, 2000. – 477 с.

10. Свиридов, С. В. Обыватель в художественном мире Александра Галича / С. В. Свиридов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2020. – № 1. – С. 66–79.

11. Шпилевая, Г. А. Образ «маленького человека» в творчестве А. Галича, Б. Окуджавы и В. Высоцкого: «о несходстве сходного» / Г. А. Шпилевая, Д. А. Скобелев, Н. П. Беляева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – № 2. – С. 77–82.

I.I. Naumtsev

“BIG” AND “SMALL” PEOPLE IN THE POETIC CYCLE OF E. BLAZHEEVSKY “FROM THE ARMY NOTEBOOK”

The article examines the features of the narrative structure, nominative and symbolic elements, as well as the influence of literary tradition, the typology of the “little man” in particular, in two significant poems by E. Blazheevsky.

Evgeny Blazheevsky, little man, big man, poetry cycle, poetry.